

Воля России. 1921. 22 мая. No 209. С. 4--5.

Русская литература, No 3, 2004

OCR Бычков М.Н.

Моя добрая приятельница, по роду своих занятий читающая чуть не все газеты Земного Шара, показала мне No 13 пражской большевистской газ. "Правда". Сам я, после отъезда за границу, подобной нечисти никогда не читаю. Я знаю, что каждое слово большевика, каждое утверждение коммуниста нужно понимать наоборот. Если коммунист издает газету "Правда", читай: "Ложь". После трех лет в советской России, где я пробыл со дня большевистского захвата власти до конца июня 1920-го года, и где мы не читали никаких иных газет, кроме большевистских, ибо никаких иных не позволяли печатать, я знаю цену большевистским словам, говоримым и печатаемым под охраной чрезвычайки. В них ложь похожа на истину, а истина похожа на ложь. В этом номере 13-м "Правды" есть заметка, которую я воспроизвожу целиком, и пользуюсь случаем сказать несколько слов начистоту о советских заправилках, их заграничных шпионах и еще кое о чем. Вот эта заметка, воспроизводимая мною целиком.

"Бальмонт-Хамелеон". -- "Кмен", чешский литературный еженедельник, {"Кмен" -- чешский литературный еженедельник, выходил с 1917 по 1922 год под редакцией Ф. Кс. Шалда и С. К. Ноймана.} пишет о Бальмонте по поводу его противосоветских выступлений в связи с кронштадтским мятежом между прочим следующее: "Хамелеонство Бальмонта поразительно. Перед революцией он -- любимец салонов, потерявший последние крохи художественного бунтарства, -- читал лекции барышням о женской психологии, о любви и поцелуях всех времен и народов. Неудивительно, что революция, когда она началась, мало ему нравилась: он злословил о "большевистских" погромах, писал, что Россию уж больше не любит. Но когда советская власть укрепилась, он весьма неожиданно переменял свои взгляды, сознался в своих ошибках, приветствовал новую "звездную эпоху", наступившую в России. В то же время он всеми силами старался получить заграничный паспорт, предложил Луначарскому, что будет во Франции и Италии собирать "революционный фольклор", получил на это от комиссариата народного просвещения 200.000 царских рублей, говорил о своих горячих симпатиях к советской власти, пока не попал, наконец, в Париж. Писал также стихи с неопределенными намеками, Луначарскому послал письмо, опубликованное в "Известиях", что все московские слухи о его противобольшевистских выступлениях выдуманы. Однако слухи эти были лишь преждевременны. Достаточно было нескольких сообщений о предполагаемом кризисе советской власти, и Бальмонт быстро отбросил маску, ликовал и кричал: "Долой!.." Что-то он теперь напишет комиссариату народного просвещения".

Вот умелую рукой, испытанной в Охранке, приготовленная и предназначенная для определенного действия смесь. Ни одного утверждения этой заметки я не оставляю без подробного и самого чистосердечного разъяснения.

Здесь что ни слово, то ложь или подтасованная истина. Перед революцией я не был любимцем салонов, а был любимым поэтом и лектором всех тех русских городов, куда я приезжал, а я совершил несколько поездок от Москвы через всю Россию до Тифлиса, Кутаиса и Баку, и от Петербурга через всю Сибирь до Владивостока. Читал я не о поцелуях всех времен и народов, я не так уж опытен в этой науке, -- а о вопросах мировой литературы и мировой культуры. Слушали меня и барышни, -- конечно не типа советских барышень, -- и еще больше студенты и интеллигентные труженики, и офицеры, и солдаты, и рабочие. Когда же разразилась мартовская революция, с первых дней встретившая ряд моих поэтических приветствий, я неоднократно выступал, как поэт и лектор, перед аудиторией, сплошь состоявшей то из одних фабричных рабочих, то из одних солдат. Перед подобной аудиторией за все трехлетие большевизма мне не довелось выступать ни разу. Коммунистические комиссары, из боязни моего свободного слова, коего я никогда не утрачивал, ни разу не допустили меня до солдат и рабочих, и в этом, как в иных своих посягновениях и злодеяниях, они были куда прижимистее, чем царские губернаторы.

Революция в Москве началась первого марта 1917 года. Уже второго марта в газете "Утро России" были напечатаны мои вольные строки, они печатались и впредь, "Единение", "Слава Народу", "Слава Солдатам" и ряд других. Мой революционный гимн "Свободная Россия" был положен на музыку Гречаниновым и распевался революционными солдатами и рабочими достаточно часто везде. Мой гимн "Слава Народу" был положен на музыку весьма известным в Петербурге Коутсом. {Вероятно, имеется в